

Сергий Чернец

Сказки ложь, да в них...

рассказы и эссе

Сергий Чернец

Сказки ложь, да в них...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18534493
ISBN 9785447479145*

Аннотация

Разностильные произведения для широкого круга читателей. Простым языком, без терминов научных, доступно объясняют старые философские истины: о времени, о счастье. И передают народную мудрость в поучительных сказках для взрослых: о жадности и прочем. Рассказы дают правильное представление о нашем мире.

Содержание

Сказки ложь, да в них... разума палата	5
Часть 1 Предисловие от автора	5
Часть 2 Про Змея Змеевича	13
часть 3 Клад	19
Часть 4 Сказка про баранов	25
Время разнообразно	36
Глазами Мышки	39
Дневниковое	47
Что нужно знать писателю	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сказки ложь, да в них...
рассказы и эссе
Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки ложь, да в них... разума палата

Часть 1 Предисловие от автора

Многие знают старые «бородатые» анекдоты, например, и могут заметить, что рассказанный в новой обстановке тот же «бородатый» анекдот проявляет новый смысл. Если раньше значение его было одно, то сегодня у этого же словообразования. Вдруг, появляется новое значение.

Сказки всегда несли определенный смысл, зашифрованный в их текстах: как обычно, это добро дремлющее до поры до времени, проснувшись – побеждает распоясавшееся зло. Зло бывает наказано и торжество добра во всех сказках однозначно. Илья Муромец лежал на печи 30 лет и три года, а потом встал на защиту добра.

Есть глубокомысленные сказки, которые забыты или не до конца понимаются нашим временем, нашими современниками. Это как «катрэны» Нострадамуса, есть такие сказки, которые требуют расшифровки.

Всё это понимается просто. Но каждое поколение и в каждое новое время, в новой общественной обстановке, ищет свои смыслы, придает свои толкования старым сказкам. Ос-

новным, однако, остается одно — добро всегда побеждает зло!

Каждый художник слова (писатель) приносит в литературу новые темы и образы, создает новые идейные и эстетические ценности. Пути творческого самоопределения писателей, обладающих ярким дарованием, разнообразны, многолики. Часто и крупные таланты не сразу, с большим трудом обретают свой «голос». Но почти все, многие, обращались к народному творчеству, к сказкам и мифам, по-своему передавая опыт поколений.

Большой ученый, который составлял сборники сказок и написал к ним свои комментарии Александр Николаевич Афанасьев. Он был избран в члены Русского географического общества по отделению этнографии. Без него сокровища фольклора могли затеряться, погибнуть. Фольклор, много веков, по традиции, устно передававшийся от поколения к поколению, в середине 19 столетия вступил в кризисную пору, когда потревоженная социальной новизной творческая мысль народа устремилась на новые предметы — и полноценное искусство рассказывания сказок стало встречаться всё реже. Афанасьев своим изданием сборника сказок спас от забвения для будущих поколений ценнейшие произведения народного искусства. Сказки сохранили всю глубину смысла, богатство вымысла, свежесть выраженного в них народного нравственного чувства, блеск поэтического стиля

народа.

Сегодня наше общество претерпело ряд больших перемен, сместились многие понятия, потеряны некоторые понятия и нравственности и добра. Воистину время наше резко переменялось: мы забыли и не знаем своих сказок, былей и присказок.

А между тем, все писатели обращались к народному творчеству, к сказкам, многие прямо заимствовали сюжеты из фольклора старинного, чтобы донести их смысл до современников.

Так, знакомясь со сказками, изданными Афанасьевым, мы с особой радостью можем заметить в них всё, что прямо и тесно связано с творчеством великих русских писателей! Открываются корни их творческой работы с народным фольклором. В сказке «Шабарша» мы узнаем давнего знакомого – Пушкинского Балду. В другой сказке (из цикла «Не любо – не слушай») мы встретимся и с прозвищем попа, которым воспользовался Пушкин: «толоконный лоб».

Сравнение Афанасьевских текстов с Пушкинскими сказками обнаруживает не только сходство, но и различие: а это свидетельствует о перемене в общественном сознании, – в каждом варианте по-своему сочетаются и видоизменяются традиционные элементы.

Афанасьевская сказка «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» близка другой сказке Пушкина – о царе Салтане. Здесь – и эпизод с тремя девицами, которых под-

слушал царь, и мотив зависти старших сестер, и те же их злые дела. Из сказок этого же типа Пушкин заимствовал и образ кота-баюна. Пушкин преобразил фольклорную сказку, но связь с вымыслом и стилем народным ясна и очевидна.

Традицию рассказов Н. В. Гоголя мы тоже встречаем в собранных Афанасьевым сказках. Эпизод «Майской ночи, или утопленницы» взят из народной сказки о нечистой силе.

В Афанасьевской сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» мы без труда узнаем «Конька-горбунка» Петра Ершова. Можно не сомневаться в том, что сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» вышла из народных сказок. Или достаточно сравнить другую сказку, «Лихо одноглазое», с одноименной сказкой К. Д. Ушинского, тотчас станет очевидной их текстуальная связь.

Таких встреч писательского творчества и сказок народа на страницах Афанасьевского собрания немало. Великие современники Афанасьева держали в памяти образцы сказок из сборника его – такие, как Лев Толстой, а равно и замечательные художники, пришедшие в литературу позже, среди них: Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, И. А. Бунин, С. Я. Маршак и другие.

В переменившееся время очень важно не потерять связь с народным, выработанным столетиями, смыслом понятий добра и зла, смыслом жизненных ценностей. Всё это есть в наших сказках, которые непонятны нашему поколению и кажутся устаревшим «пережитком» прошлого. Они тре-

буют пересмотра – «расшифровки», как расшифровка «катрэнов» нострадамусовых. В сказках смысл тоже не всегда очевиден, и его нужно донести до современников, в новых – им понятных выражениях, ничуть не меняя. Вот тут и будет трудность. Вот тут и будет работа для писателей!

Обстоятельства нередко складываются таким образом, что и высокоодаренный, талантливый молодой писатель затрачивает огромные усилия, чтобы открыть свое истинное призвание, понять и увидеть в жизни эпохи то новое и общее-интересное, что глубоко волнует читательскую аудиторию. Он испытывает горькие чувства боли, сомнений и обид, которые выпадают на долю замечательных художников слова при их вступлении на литературное поприще.

И нужно заметить, обратить внимание, как определяли пути творчества различные именитые писатели. Взять на вооружение их высказывания, сделать выводы для себя и это может много объяснить и может помочь начинающим писателям обрести и себя и «свое слово», свою стезю.

Вот как видел, например, Лев Толстой, вот его взгляд на литературу:

«Мыслитель и художник, – писал Толстой, – должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, да-

ло бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно – он умрет. И потому страдание и самоотвержение всегда будет уделом мыслителя и художника».

Тревоги и волнения, непрестанный поиск истины и напряженный труд, как считал Толстой – есть постоянный спутник творческих свершений. Известно, с какой неиссякаемой энергией он отделявал, шлифовал свои произведения, часто перерабатывал их от начала до конца по нескольку раз. И уже после того, как они поступали в печать, писатель в корректуре обычно подвергал их вновь и вновь очень существенной переделке.

То есть работать надо над своими произведениями со всей серьезностью. Раз.

А вот, что требуется от художника, писал другой именитый писатель, Достоевский: «не фотографическая верность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже», – нужны писателю, он считал. «Точность и верность нужны, элементарно необходимы, но их слишком мало; точность и верность покамест еще материал, из которого потом создается художественное произведение.... Эпического, безучастного спокойствия в наше время нет и быть не может, – говорил Достоевский, – если б оно и было, то разве только у людей, лишенных всякого развития и одаренных чисто лягушачьей натурой, для которых никакое участие невозможно, или, наконец, у людей, вовсе выживших из ума.

Так как в художнике нельзя предполагать этих трех печальных возможностей, то зритель и вправе требовать от него, чтобы он видел природу не так, как видит её фотографический объектив, а как человек». — Это из полного собрания Достоевского, Госиздат, 1930, том 13, стр. 531—532.

Жизненная правда в творениях искусства не существует вне индивидуального видения свойственного каждому художнику.

То есть, собственная фантазия должна быть в произведениях писателя. Это два.

Своеобразие творческого видения жизни само по себе вовсе не противостоит отражению существующей реальности. И вот, в несколько ином плане об особенностях, характеризующих подлинного художника, говорил Тургенев: «Важно в литературном..., да, впрочем, я думаю, и во всяком таланте, то, что я решил бы назвать *своим голосом*. Да, важен свой голос. Важны живые, особенные, свои собственные ноты, каких не найдется в горле у каждого из других людей.... Для того, чтобы так сказать и эту самую ноту взять, надо иметь именно такое, особым образом устроенное горло. Это как у птиц.... В этом и есть главная отличительная черта живого оригинального таланта».

То есть передать события, рожденные в голове образы, нужно так, как ты видишь, — индивидуально. Может быть другие, стоявшие рядом, видели иначе, пусть даже многие видели иначе, но вот ты увидел не как все. **Своеобразие,**

и это будет – три.

Итак, что мы имеем:

1 труд над словами, над фразой-выражением, над словом, – а это чисто школьная наука, которой надо учиться;

2 фантазия, – выдумка, но не абстрактная, а придумки реальных событий и действий, которые могли бы быть, могли произойти;

3 своеобразие, – так как видишь и представляешь ты, тесно связано с фантазией.

У каждого писателя свои формулы и решения. Каждый вырабатывает свой язык повествования, но это уже другая история.

Конец

Часть 2 Про Змея Змеевича

*«Говорят, в старину всё удалыцы-мОлодцы
рождались,*

А нам от них только сказочки остались».

Слыхали ли вы о злом-презлом Змее Змеевиче, его еще Горынычем звали, и трех головах сказывали? Ежели слышали, так вы знаете, какой он по нраву своему и по виду своему страшный и непобедимый. И в колдовстве и магии замечен был тот Змей.

И было, что Змей тот обернулся и прикинулся молодым красавцем, удалым удалцом, и стал хаживать и ухаживать за самой княгиней-красавицей. А была та княгиня по образу красива, черноброва и ликом светла, но характером спесива и совсем недобра. К честным людям, бывало, слова доброго не кинет, а простым людям к ней и доступу нет. Все со Змеем-молодцем своим: ши-ши-ши! – шепталась, а о чем? – кто их ведает!

Князь-супруг её, Иван-королевич, по обычаю царскому и дворянскому занимался охотой. И охотился знатно и постольку увлеченно, что всем охотникам не чета! Не только собак своры, и не только соколы и ястреба служили ему верой-правдой, но и звери лесные и лисицы, и зайцы, и птицы свою дань приносили князю-охотнику. Кто чем жил-масте-

рил, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, и ворон клёвом и разумом.

Словом, Князь-княжевич Иван-королевич со своей охотой был неодолим, страшен был и самому Змею-змеевичу. А тот змей такой был горазд, что и всех было, покори́л, но вот с князем ему промашка выходила.

Сколько задумывал, сколько пытался он (Змей) истребить Князя: и так и сяк, – а всё не удавалось! И тут княгиня подсобить захотела Змею-молодцу своему ухажёру. Завела она под лоб ясные глазки, опустила плетьюми свои белые ручки, слегла больной сказавшись. Муж Князь испугался, хлопотать начал: чем лечить болезнь неизвестную?

– Ничто меня не поднимет – говорила княгиня, кроме волчьего молока; надо мне тем молоком умыться, тогда и излечусь, может быть. —

Пошел Князь за волчьим молоком к логову волчицы, да взял с собой всю «охоту» свою, егерей со сворами собак и стрельцов всех своих метких. Увидала волчица Князя-княжевича – в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась:

– Князь-княжевич Иван-королевич, помилуй, что прикажешь – всё сделаю! —

– Давай своего молока! —

Тотчас она молоко для него принесла и в благодарность еще волчонка подарила. Иван-королевич волчонка отдал в «охоту» свою, а молоко принес жене. А жена, было, на-

деялась: не достанет муж молока и пропадет! Но коли он пришел – и нечего поделать, умылась она волчьим молоком, с постельки встала, как ни в чем не бывало. На что муж обрадовался.

Долго ли, коротко ли, слегла она опять, притворилась захворавшей и умирающей.

– Ничем, – говорит, – мне нельзя помочь; надо за медвежьим молоком сходить, в чащу-чащобу. —

Иван-королевич взял опять всю свою «охоту» и пошел в Чащу-чащобу искать медведицу-царевну. А медведица та, зачуяла беду издалека, пришла и в ноги повалилась, слезно взмолилась:

– Помилуй меня Иван-королевич, что прикажешь – всё сделаю! —

– Хорошо, давай своего молока! —

Тотчас она молоко принесла и в благодарность медвежонка подарила.

Иван-королевич опять возвратился к жене целый и невредимый.

– Ну, милый мой, – говорит княгиня, – Сослужи еще службу, в последний раз, докажи дружбу свою, принеси мне львиного молока – и не стану я хворать, стану песни петь-распевать и тебя всякий день забавлять! —

Конечно, хотел Княжевич Иван-королевич видеть жену здоровой, веселой; и пошел он искать львицу-царицу. Дело это было не легкое, зверь-то этот заморский. Взял он вновь,

всю свою «охоту» и всем зверям наказал искать львицу: волки да медведи рассыпались по горам, по долам, ястреба и соколы поднялись к небесам, вороны разлетелись по лесам и по кустам. — И львица найдена была, как смиренная раба, припала к ногам Ивана-королевича.

Принес Князь и львиного молока. Жена поздоровела, повеселела. А опять его просит, очередную хитрость придумав:

— Друг мой, друг любимый! Теперь я здорова и весела, а еще бы стала я красавицей первой, если б ты потрудился достать для меня волшебную пыль такую: лежит она за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками, в двенадцати углах Чертовой мельницы, горы такой! — говорит она.

Князь пошел — видно, его была доля такая! — подумал.

Пришел он к горе той, к Чертовой мельнице, — а там вход в Замок пещерный. Все замки сами размыкаются, двери сами растворяются, и вошел Князь и вся «охота» с ним. Набрал он волшебной пыли, идет назад, — а все двери за ним затворяются, все замки замыкаются. Он вышел наружу, а вся «охота» под землей осталась: рвутся, шумят они, кто зубами, кто когтями ломает двери. Князь постоял-постоял у горы, подождал-подождал и с горем воротился один домой. Тошно у него было в животе, холодно на сердце. Пришел домой, — а там жена бежит и весела и молода, во всем дворе (в царстве) Змей Змеевич хозяйничает. И говорит ему Змей:

— Здорово, Иван-королевич! Вот тебе от меня привет-подарок — на твою шею шелковая петля приготовлена! —

– Погоди, Змей! – сказал королевич. – Вот я в твоей власти, а умирать горюном не хочу-не желаю, дай спою тебе три песни свои. —

Разрешили и гусли подали, и спел Иван-королевич одну песню, а пока пел, к нему ворон прилетел. И пока Змей заслушался, ворон сказал:

– Пой, пой, Иван-королевич! Твоя «охота» три двери прогрызла! —

А ворон потому в западню не попал, что мертвечину в кустах клевал. Когда Иван-королевич вторую песню спел, прилетел ворон, с быстротой молнии туда и обратно, и говорит: – Пой, пой, уже твоя «охота» девятую дверь прогрызает! —

– Довольно, кончай петь! – зашипел Змей, заподозрив неладное, видя ворона, а слов его не разбирая. И накинул Змей петлю на шею Ивана-королевича.

– Слушай третью песню, Змей Змеевич! Я пел её перед свадьбой, спою и перед смертью, перед могилой! – сказал Князь.

Нечего делать, третью песню слушать пришлось. А тут и ворон вновь вернулся и говорит: Уже твоя «охота» последнюю дверь ломает!

Окончив песню свою, Князь-княжевич Иван-королевич крикнул, как в последний раз:

– Прощай белый свет, прощай моя «охота»! —

А «охота» тут и есть! Легка на помине: летит туча тучей, бежит полк полком! Змея Змеевича звери в клочья изорва-

ли, и жену птицы расклевали, соколы да ястребы!

Остался Князь Иван один со своею охотою век проживать, один горе мирское горевать. А стоил бы лучшей доли, кабы не из цариц заморских жену себе выбирал!

Как в сказках сказывается: бывали-живали царь да царица; у царя, у царицы был один сын, Иван-царевич. Вскоре умер царь, сыну своему царство оставил. Для чего «царевичу» вздумалось назваться «королевичем»?

Конец.

часть 3 Клад

В некотором царстве, в некотором государстве... жили-были старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало времени прошло – но померла старуха. А на дворе зима трескучая, лютая да морозная.

Пошел старик по всем соседям и по всем знакомым, просить, чтобы помогли ему вырыть могилу для старухи: только ни соседи, ни знакомые, все знающие его бедность, не захотели ему помогать. И пошел старик в Церковь, к попу. А у них на селе был поп очень жадный, несовестливый.

– Помоги батюшка, – говорит старик, – старуху похоронить надо. —

– А есть ли у тебя деньги, чем за похороны платить будешь? Давай деньги, свет мой дорогой, вперед! – говорит поп.

– Перед тобой, батюшка, нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, может заработаю, тогда с лихвой заплачу, право слово! – просит старик.

Но поп не захотел слушать речей стариковских, Да и где старик может заработать?

– Коли нет денег, не смей сюда и приходить! – говорит.

Ну вот. «Что делать, – думает старик, – пойду на кладбище, сам вырою как-нибудь могилку и сам похороню старуху».

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище. Пришел и начал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал, копал и выкопал котелок чугунный, глянул – а он полный червонцами золотыми, высыпал на руку, как жар блещут, будто новенькие. Крепко старик возрадовался:

– Слава тебе Господи! Будет на что и похоронить и поминки устроить по старухе моей! – подумал он.

Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и пошел домой. Ну, с деньгами «знамо дело» – всё пошло как по маслу! Тотчас нанял людей: и могилу вырыли, и гроб смастерили. И послал старик соседку купить вина и кушанья, закусочных – всего, что на поминках должно быть. Сам же он взял червонец золотой в руку и потащился к попу. Только открылись двери после стука его, как поп на него чуть не в крик орать начал:

– Сказано тебе ясно-понятно было, старый, чтоб без денег не приходил, а ты опять сюда прешься! —

– Не сердчай, батюшка! – просит его старик. – Вот тебе золотой – похорони мою старуху, как положено с отпеванием, век не забуду милости твоей!

А поп, как взял деньги такие и переменялся: и не знает, как старика принять в доме своем, где посадить, какими речами умирить:

– Ну, старичок, будь в надежде, всё сделаем и отпевать будем со дьяконом и со всем клиросом петь. . . . – залебезил поп.

Старик откланялся и пошел домой, а поп с попадьёй стал про него разговоры разговаривать:

– Вишь, старый чёрт! Все говорят: беден, беден! А он золотой монетой платит. Много на своем веку схоронил и отпевал я именитых покойников, а столько денег ни от кого не получал.... – подумал поп.

Собрался поп со всем причетом своим и похоронил старуху как следует.

После похорон упросил его старик к себе на поминки и угощение. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что появилось (!) – и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать и только вышли во двор – поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

– Послушай, свет мой! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха – все равно как перед богом. Так и передо мною: откуда ты так скоро сумел поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь, «на тебе, поди ж ты», откуда что взялось! Покайся, дорогой, чью душу загубил, кого обокрал? – стал допрашивать поп старика.

– Что ты, батюшка! Истинно правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам мне в руки дался! – сказал старик.

И рассказал он, как всё дело было.

Когда узнал поп, аж затрясся от жадности и поскорее домой побегал. По дому ходит и день, и ночь и думает: «Такой лоханутый мужичонка, и получил такую силу денежную. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?». Так думал и придумал.

– Слушай, матушка, – говорит попадье, – ведь у нас козел есть? —

– Есть. —

– Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо. —

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру – со всем, и с рогами и с бородой; сразу же натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье:

– Бери, матушка, иголку с ниткой, закрепи, зашей шкуру со всех сторон. —

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила попа козлиной шкурой.

Вот и в самую глухую полночь пошел поп прямо к избе старицкой, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

– Кто там? —

– Это Чёрт... —

– Наше место освящено! – завопил мужик и начал креститься и молитву читать «отче наш...».

– Слушай старик! – говорит поп в козлиной шкуре –

От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты всё целиком заграбастал! — не своим голосом говорил поп переодетый.

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородкой: как есть «нечистый» стоит!

«Ну его совсем и с деньгами его! — думает старик. — И до этого без денег жил. И опосля без них проживу!»

Достал котелок с золотом из-под печки, вынес на улицу и бросил наземь, а сам назад скорее и заперся на все щеколды. Поп подхватил котелок с деньгами и припустил домой. Воротился и говорит матушке:

— Ну, вот и в наших руках деньги все! Спрячь их да бери острый нож, режь нитки и снимай с меня шкуру, пока не видел никто. —

Попадья взяла нож, стала было по шву резать — как польется кровь, как заорет поп:

— Матушка! Больно мне очень! Не режь меня по живому! —

Начнет она в другом месте резать — опять кровь и тоже самое! Кругом по телу приросла козлиная шкура к телу попа. И стал поп — козлом «натуральным». Уж чего только они потом не делали, чего только не пробовали, прятался поп-«козел» за печкою. Они и деньги старику назад отнесли, отдали — так нет: ничего не помогало; так и осталась на попе

козлиная шкура. Знамо! – покарал господь за великую жадность.

Конец.

Часть 4 Сказка про баранов (авторское)

Каждой книгой литература обращается к каждому из нас. Она говорит: «Судьба этого человека могла быть твоей судьбой. Только поняв его (этого человека) и всю меру того, что он испытал, ты поймешь, в каком времени ты живешь и в каком мире, который тебя окружает. И пусть совпадений не будет, но ты должен это знать».

В том и состоит сила подлинного искусства, что, рассказывая правду, показывая жизнь и труд людей, какие они есть на самом деле, – искусство пробуждает в душах людей, не робость, не приниженность, а готовность самим все вынести, если потребуется, всё вытерпеть и одолеть.

Правда воспитывает мужественных людей, а ложь – предателей. Только правда способна возвеличить и подвиги и простоту жизни, Она есть главный герой всего искусства.

Есть рассказы-вымыслы, придуманные байки, но с глубоким намеком на правду нашей жизни, которые очень актуальны, ибо объясняют нам образ жизни нашей на все времена. Один из классиков рассказал нам историю-сказку, чтобы мы немного поняли, как же мы, в сущности, живем:

«Домашние бараны с незапамятных времен

живут в порабощении у человека; их настоящие родоначальники неизвестны.» —

Брэм

Были ли когда-нибудь домашние бараны «вольными» — история об этом умалчивает. В самой глубокой древности предки наши уже обладали стадами прирученных баранов, и затем, через все века, баран проходит распространенным по всему лицу земли в качестве животного, как бы нарочно на потребу человека созданного. А человек, в свою очередь, создавал целые особые породы баранов, почти не имеющих между собою ничего общего. Одних воспитывают для мяса, других — для курдючного жира, третьих — ради теплых овчин, четвертых — ради обильной и мягкой шерсти.

Сами домашние бараны, конечно, всего меньше о вольном прародителе своем помнят, а просто знают себя принадлежащими к той породе, в которой застал их момент рождения.

Этот момент рождения составлял исходную точку личной бараньей истории, но даже и он постепенно тускнел и забывался, по мере вступления барана в зрелый возраст. Так что истинно мудрым называется только тот баран, который ничего не помнит и не сознает, кроме травы, сена и комбикорма, предлагаемых ему в пищу.

Однако грех да беда на кого только не приходит. Спал однажды некоторый баран и увидел сон. Должно быть, не один замес комбикорма во сне видел, потому что проснулся тревожный и долго глазами чего-то искал.

Стал он припоминать, что такое случилось; но, хоть убей, ничего вспомнить не мог. Даль какая-то вспоминалась, серебряным светом подернутая, и больше ничего. Только смутное ощущение этой бесформенной серебряной дали и осталось в нем, но никакого определенного очертания, ни одного живого образа...

— Овца! а, овца! что я такое во сне видел? — спросил он лежащую рядом овцу, которая была воистину овца и отроду снов не видала.

— Спи, выдумщик! — сердито отвечала овца, — не для того тебя из-за моря привезли, чтоб сны видеть да модника из себя представлять!

А надо сказать, что Баран был породистый английский меринос. Помещик Иван Сазонович Растаковский шальные деньги за него заплатил и великие на него надежды возлагал. Но, конечно, не для того он его из-за моря вывез, чтоб от него поколение *умных* баранов пошло, а для того, чтоб он создал для своего хозяина стадо тонкорунных овец.

И в первое время по приезде его на место баран действительно зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Ни о чем он не рассуждал, ничем не интересовался, даже не понимал, куда и зачем его привезли, а просто-напросто жил да поживал, как настоящий баран. Что же касается до вопроса о том, что такое баран и какие его права и обязанности, то баран не только никаких пропаганд по этому предмету не распространял, но едва ли даже подозревал, что подобные

вопросы могут бараньи головы волновать. Но это-то именно и помогало ему выполнять баранье дело настолько пунктуально и добросовестно, что Иван Сазонович и сам нарадоваться на него не мог, и соседей любоваться водил: «Смотрите!» – (Вот посмотреть на этот абзац – и можно убедиться, что и в людском сообществе мы имеем такую структуру поведения, – чисто баранью!)

И, вдруг, дался этот сон барану... Что это был за сон, баран решительно не мог сообразить. Он чувствовал только, что в существование его вторглось нечто необычное, какая-то тревога, тоска. И хлев у него, по-видимому, был тот же, и корм был тот же, и то же самое стадо овец, представленное ему для усовершенствования, а ему ни до чего как будто бы дела нет. Бродит он по хлеву, как потерянный, и только и дела блеет:

– Что такое я во сне видел? растолкуйте мне, что такое я видел?

Но овцы не выказывали ни малейшего сочувствия к его тревогам и даже не без ядовитости называли его умником и философом, что, как известно, на овечьем языке имеет значение худшее, нежели «моветон» или «придурок».

С тех пор, как он, Баран, начал сны видеть, овцы с горечью вспоминали о простом, шлёнской породы, баране, который перед тем четыре года сряду ими помыкал, но под конец, за выслугу лет, был определен на кухню и там без вести пропал (видели только, как его из кухни на блюде, с триумфом,

в господский дом пронесли). То-то был настоящий служилый баран! Никогда никаких снов он не видел, никаких тревог не ощущал, а делал свое дело по точному разуму бараньего устава – и больше ничего знать не хотел. И что же! его, старого и испытанного слугу, уволили, а на его место определили какого-то празднюбца, мечтателя, который с утра до вечера неведомо о чем блеет, а они, овцы, между тем ходят яловые!

– Совсем нас этот аглецкой олух не совершенствует! – жаловались овцы овчару Никите, – как бы нам за него, за фогана, перед Иваном Сазоновичем в ответе не быть?

– Успокойтесь, милые! – обнадежил их Никита, – завтра мы его выстрижем, а потом крапивой высечем – шелковый будет!

Однако расчеты Никиты не оправдались. Барана выстригли, высекли, а он в ту же ночь опять сон увидел.

С этих пор сны не покидали его. Не успеет он ноги под себя подогнуть, как дрема уже сторожит его, не разбирая, день или ночь на дворе.

И как только он закроет глаза, то весь словно преобразится, и лицо у него словно не баранье делается, а серьезное, строгое, как у старого, благомысленного мужичка из тех, что в старинные годы «министрами» называли. Так что всякий, кто ни пройдет мимо, непременно скажет: «Не на скотном дворе этому барану место – ему бы бурмистром следовало быть!»

Тем не менее, сколько он ни подстерегал себя, чтобы восстановить в памяти только что виденный сон, усилия его по-прежнему оставались напрасными.

Он помнил, что во сне перед ним проходили живые образы и, даже целые картины, созерцание которых приводило его в восторженное состояние; но как только бодрственное состояние возвращалось, и образы и картины исчезали неведомо куда, и он опять становился заурядным бараном. Вся разница заключалась лишь в том, что прежде он бодро шел навстречу своему бараньему делу, а теперь ходил ошеломленный, чего-то сдуру искал, а чего именно – сам себе объяснить не мог... Баран, да еще меланхолик – что, кроме ножа, может ожидать его в будущем?!

Но, кроме перспективы ножа, положение барана и само по себе было мучительно. Нет боли горшей ноши, нежели та, которую приносят за собой бессильные порывания от тьмы к свету встревоженной бессознательности. Пристигнутое внезапной жадой бесформенных чаяний, бедное, подавленное существо мечется и изнемогает, не умея определить ни характера этих чаяний, ни источника их. Оно чувствует, что сердце его объято пламенем, и не знает, ради чего это пламя зажглось; оно смутно чует, что мир не оканчивается стенами хлева, что за этими стенами открываются светлые, радужные перспективы, и не умеет наметить даже признаки этих перспектив; оно предчувствует свет, простор, свободу – и не может дать ответа на вопрос, что такое свет,

простор, свобода... – (Так же, – и рвется и мечется и дух человеческий в сплошных исканиях мира несуществующего!)

По мере учащения снов, волнение барана все больше и больше росло. Ниоткуда не видел он ни сочувствия, ни ответа. Овцы с испугу жались друг к другу при его приближении. А овчар Никита, пожилой и давно работающий, хотя, по-видимому, и знал нечто, но упорно молчал. Это был умный мужик, который до тонкости проник баранье дело и признавал для баранов только одну обязательную аксиому:

– Коли ты в бараньем сословии уродился, – говорил он солидно, – в ём, значит, и живи!

(Вот значит и наши пожилые мудрецы так и думают – раз «не жили богато – нечего и начинать»).

Но именно этого-то баран и не мог выполнить. Именно «сословие» -то его и мучило, не потому, что ему худо было жить, а потому, что с тех пор, как он стал сны видеть, ему постоянно чужалось какое-то совсем другое «сословие».

Он не был в состоянии воспроизвести свои сны, но инстинкты его были настолько возбуждены, что, несмотря на неясность внутренней тревоги, поднявшейся в его существе, он уже не мог справиться с нею.

Тем не менее, с течением времени, тревоги его начали утихать, и он как будто даже остепенел. Но успокоение это не было последствием трезвого решения вступить на прежнюю баранью колею, а, напротив, скорее свидетельствовало об общем обессилении бараньего организма. Поэтому

и пользы от него не вышло никакой.

Баран, – очевидно, с предвзятым намерением, – с утра до вечера спал, как будто искал обрести во сне те сладостные ощущения, в восстановлении которых отказывала ему бодрственная действительность...

В то же время он с каждым днем все больше и больше чах и хирел, и наконец сделался до того поразительно худ, что глупые овцы, завидев его, начинали чихать и насмешливо между собой перешептываться. И по мере того, как неразгаданный недуг овладевал им, лицо его становилось осмысленнее и осмысленнее. Овчары все до единого жалели о нем. Все знали, что он честный и добрый баран, и что ежели он не оправдал хозяйских надежд, то не по своей вине, а единственно потому, что его постигло какое-то глубокое несчастье, вовсе баранам не свойственное, но в то же время, – как многие инстинктивно догадывались, – делающее ему лично великую честь. – (Вероятно, умных баранов чествуют, так и у нас в людском «сословии», чествуют особо одаренных и умных, но по советам умных людей никто не поступает, а все советы умных людей перековеркают и употребят не по назначению).

Сам Иван Сазонович сочувственно относился к страданиям барана. Не раз овчар Никита намекал, что самая лучшая развязка в таком загадочном деле – нож, но Растаковский упорно отклонял это предложение.

– Плакали мои денежки, – говорил он, – но не затем я

их платил, чтобы шкурой его воспользоваться. Пускай своей смертью умрет!

И вот вождеденный момент просияния наступил. Над полями мерцала теплая, облитая лунным светом, июньская ночь; тишина стояла кругом непробудная; не только люди притаились, но и вся природа как бы застыла в волшебном оцепенении.

В бараньем загоне все спало. Овцы, понутив головы, дремали около изгороди. Баран лежал одиноко, посередке загона. Вдруг он быстро и тревожно вскочил. Выпрямил ноги, вытянул шею, поднял голову кверху и всем телом дрогнул. В этом выжидающем положении, как бы прислушиваясь и всматриваясь, простоял он несколько минут, и затем сильное, потрясающее блеянье вырвалось из его груди...

Заслышав эти торжественно-агонизирующие звуки, овцы в испуге повскакали со своих мест и шарахнулись в сторону. Сторожевой пес тоже проснулся и с лаем бросился приводить в порядок всполошившееся стадо. Но баран уже не обращал внимания на происшедший переполох: он весь ушел в созерцание.

Перед тускнеющим его взором воочию развернулась сладостная тайна его снов...

Еще минута – и он дрогнул в последний раз. Засим ноги сами собой подогнулись под ним, и он мертвый рухнул на землю.

Иван Сазонович был очень смертью его огорчен.

– И что за причина такая? – сетовал он вслух, – все был баран как баран, и вдруг, словно его осенило... Никита! ты пятьдесят лет в овчарах состоишь, стало быть, должен дурью эту породу знать: скажи, отчего над ним такая беда стряслась?

– Стало быть, «вольного барана» во сне увидел, – ответил Никита, – увидеть-то во сне увидал, а сообразить настоящим манером не мог... Вот он сначала затосковал, а со временем и издох. Все равно, как из нашего брата бывает...

Но Иван Сазонович от дальнейшего объяснения уклонился.

– Сие да послужит нам уроком! – похвалил он Никиту, – в другом месте из этого барана, может быть, козел бы вышел, а по нашему месту такое правило: ежели ты баран, так и оставайся бараном без дальних затей. И хозяину будет хорошо, и тебе хорошо, и государству приятно. И всего у тебя будет довольно: и травы, и сена, и комбикорма. И овцы к тебе будут ласковы... Так ли, Никита?

– Это так точно, Иван Сазонович! – отозвался Никита.

Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец! – такая присказка бывает после рассказанной байки. Но присказка присказкой, а выводы делать нам.

Велики были наши классики, так что надо читать Классическую литературу и набираться мудрости. **Кто написал сказочку эту**, вы, может, и не догадаетесь, а я могу вам от-

ветить, если спросите.

До свидания.

Время разнообразно

Проходит наша жизнь.... Время стирает нашу память – такую медную доску с выгравированными на ней письменами. Письмена сглаживаются, оставляя поначалу отдельные слова, образы и мы помним только частички из прошлых событий; а потом совсем стираются все надписи на медной памяти табличке и мы что-то такое похожее вспоминаем: отдельные буквы от слов, образов, но уже не в силах восстановить события ушедшего прошлого.

Нет ничего продолжительнее **Времени**, – так как время это мерило вечности. И в тот же момент, нет ничего короче его, – так как всегда его недостаточно для наших проектов и начинаний.... Все люди, по опыту, пренебрегают временем, не смотрят на него и его не замечают, когда увлечены новым делом, начиная новое дело. А потом все люди сожалеют, что утратили время, которого так не хватает вдруг.

Мы приходим и уходим, и каждый миг приносит на Землю тысячи нас и уносит тысячи. Земля – она как пристань, пристанище для странников, – блуждающая в бесконечном Космосе планета, на которой останавливаются и с которой улетают миллионами души, как караваны перелетных птиц.

Потеря времени тяжелей всего кажется для того, кто много знает. А порядок, расстановка-распределение дел – учит время сберегать. Дисциплина – мать победы, по словам Су-

ворова.

Как в море льются воды,
Так в вечность льются дни и годы.
...Моих врагов червь кости сглохнет
А я пиит – я не умру (быть может)
В могиле буду я, но буду говорить.

Так говорил поэт Державин в свое время. Если время самая драгоценная вещь, то растрата его является самым большим мотовством, поддержал его писатель.

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек...

Сказал пессимистично Карамзин. «Солнце течет и ныне по тем же законам, по которым текло до явления Христа-Спасителя: так и гражданские общества не переменили своих уставов; все осталось, как было на Земле и как иначе быть не может» – так он, Карамзин, пояснил свой пессимизм.

Люди никогда не довольны настоящим (мечталось же о лучшем) и, по опыту, имея мало надежд на будущее, украшают невозвратимое прошлое всеми цветами своего воображения, разукрашивая воспоминания свои.

Что было, то не будет вновь! Любовь не может повторить-

ся. Что пройдено, то будет мило..., – провозгласил известный Пушкин, не подтверждая пессимизм Карамзина.

Какое горе не уносит время, какая страсть уцелеет в неравной борьбе с ним? Проходит и любовь и горести и печали, новое время несет новое и всё другое. Старое забывается напрочь. Из всех критиков самый великий, самый гениальный и самый непогрешимый – Время. Гибнет в потоке времени всё то, что лишено зерна жизни и что, следовательно, – не достойно жить.

Глазами Мышки

Мы наделяем животных своими человеческими чувствами.

Лиса у нас – хитрая, как все знают, она съела колобка, она и волка обманула, когда предложила ловить рыбку в проруби хвостом, а хвост волка примерз во льду. Обманула и старика, – притворилась мертвой, и старик положил её в телегу с рыбой, а она рыбу выкинула по дороге и сама убежала. Приехал старик домой – и ни лисы, ни рыбы. Лиса обманула ворону с сыром: та каркнула, сыр выпал, с ним была «плутовка» такова!

Заяц у нас – трусливый. Говорят, он боится каждого шороха и быстро убегает, он шустрый, все время выкручивается и убегает от волка в мультике «Ну, погоди».

Медведь, наоборот, медленный, неповоротливый, «ува-лень» – косолапый.

А мышка? Она – «норушка», в норке живет. Вот мышка, – она и умная, на разные хитрости способная. Чтобы молоко из банки достать, мышки друг друга за хвостики держат, а еще они залазят на самые высокие полки, друг на друга по плечам, строя «пирамиды». Мышка бежит везде и не вовремя: бежала-бежала, хвостиком махнула и яичко столкнула со стола, так что оно упало и разбилось.

Время у нас – это такая неопределенная штука. Одному кажется долгим. Другому наоборот. Время идет медленно, когда за ним следишь.... Оно чувствует слежку. Но оно наделяет нас рассеянностью, когда спешим, мы забываем то одно, то другое, а время убегает, так что его не вернуть. Возможно даже, что существует два времени: то, за которым мы следим, и то, которое нас преобразует. Со временем все меняется, меняемся мы сами, меняется природа....

Человек живет недолго. А животные еще меньше. Например, мышки живут 2 (два) года. Когда наши 70 – 80 лет, в глазах мышки, проходят быстро, за два года, тогда месяц проходит – за 3 дня. А наш день, для мышки, проходит за 12 минут. Это если два года разделить на 80.

Всё, конечно, не так, и всё гораздо сложнее и проще, в то же время. И сердечко у мыши бьется быстрее, быстрее происходит обмен веществ в организме. Все события кажутся, становятся такими большими и важными....

Во-первых, весь мир состоит из запахов. И он большой, потому что запахов в нем очень много. Это не только те запахи, что были в раннем детстве, когда мышка родилась еще слепая и в норке (дома) были все «родные» знакомые запахи: земля вокруг, трава-подстилка, по которой мышата ползали, и запах Мама, большой мыши. Запахи мира разные и опасные, пугающие.

Уже через месяц мышка вышла в тот мир, который доно-

сил свои запахи из выхода норки. Вокруг были листья, упавшие с деревьев, (довелось же ей родиться под самую зиму, глубокой осенью), и корни дерева, под которым и была мышиная нора.

Дерево стояло на опушке, перед большим полем, на котором росла пшеница, именно её запах был «вкусный», пшеничные зерна приносила им Мама-мышь. Зерна были даже в колосьях, которые надо шелушить, грызть и отрывать лепестки шелухи, чтобы добраться до самого зерна, всё детство они к этому приучались – «грызть». Они бегали с Мамой недалеко и всегда возвращались в норку ночевать. Но случилось, что инстинкт позвал Мышку идти и исследовать дальние просторы мира. Так случилось, что она ушла очень далеко и осталась одна.

И вот первую ночь свою Мышка провела в страхе и в холоде далеко от своей норки (от дома). Она бегала в сгущающихся сумерках назад и вперед по ровной полоске между рядов колосьев без верхушек, стоящих как столбы, и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимала то одну озябшую лапку, то другую, (уже начинались «заморозки на почве»), она старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась.

Она отлично помнила, как она провела день и как, в конце концов, попала на этот далекий противоположный край поля.

День начинался с того, что её Мама-мышь вышла из норки и умывалась у входа, за ней вышли и уже крупные мышки-подростки. Некоторые, большинство, пошли в лес, там вдалеке рос дуб (знала Мышка и бывала там не раз с Мамой) и на осыпавшихся осенних листьях было много желудей и их можно было грызть и есть. Но Мама-мышь пошла на поле, где уже давно скосили и убрали пшеницу, но повсюду были просыпанные зерна, а то и колоски, набитые зернами, можно было найти.

Ориентируясь по запаху, Мама-мышь отыскивала зернышки и засыпанные землей. Мышка помнила, что они не раз пересекали землю уплотненную колесами больших шумевших машин-комбайнов, звуки которых всё детство их пугали. Сейчас солнечным осенним днем (в период «бабьего лета») Мышка-«Пикса» (как звала её Мама) помнила, что по дороге вела себя крайне беспечно и самостоятельно. Она прыгала от радости сытости желудка, когда ей удалось найти зрелый колосок, в котором еще нашлось штук 5 зернышек. А вокруг было много «страшного». Летали большие черные птицы, отбрасывая зловещие тени, вороны или галки. Приходилось, замерев, переждать опасность. Мама-мышь, поначалу, то и дело следила за Пиксой, кричала ей громким писком об опасности. Но в последний раз Пикса слышала от Мамы далёкую и неразборчивую ругань: типа, – «Чтобы... ты... иди... куда хочешь!» Одним словом, Мышка-Пикса обрела самостоятельность: и бежала, и бежала..., пересекая ря-

ды столбиков колосьев, колеи стоптанной машинами земли, всё дальше и дальше, пока широкое поле не закончилось. Тут запахи были совсем другие, не как на лесной опушке. Пиксу испугали и звуки огромных плохо пахнущих, гремящих машин, мчащихся по дороге. Она попала на откос асфальтовой дороги, на которую вылезти Пикса не решилась. Но широкое поле откоса, отделявшее дорогу от пшеничного поля, было приятно тем, что в траве можно было легко укрываться. И тут же нашлась большая кочка, бугорок, с которого свисала пожухшая уже трава. Под ней была ямка, – вот и норка, уже почти готовая! Когда небо совсем уже стемнело, Пикса успела свою норку новую «благоустроить»: она углубила ее, как смогла выкопать, наносила мягкой и «теплой» травы. Вот с этого началась её самостоятельная жизнь.

Ночью, вдруг, неслышно пошел снег и укрыл белым покрывалом всю землю. И когда Пикса обнюхала утром воздух «улицы» высунув носик у входа в свою новую норку, – запахов не было, или их было настолько мало, что едва различались. Только потом, после шума проехавшей машины, недалеко, по дороге, разнесся странный запах дыма и резины, и теперь все тонкие запахи мешались с остро химической вонью, так что ничего нельзя было разобрать. Пикса побежала в утренней темноте на огромное белое поле, за которым темнел, далеко-далеко, её родной лес.

Было холодно, зябко, – Пиксой овладели и отчаяние и ужас: вокруг не было земли, никак под снегом невозмож-

но было отыскать, что себе покушать. Она побежала к какому-то большому бугорку на краю поля и раскопала под снегом вкусно пахнущую кучу соломы, в которую и залезла, поскорее спрятавшись от утреннего холодного ветерка. Она прижалась к холодному у самой земли сену и стала горько плакать. Это утреннее путешествие по краю снежного поля уже утомило её. Ушки и лапки её озябли и к тому же еще, она была ужасно голодна. За все утро ей пришлось грызть только два раза: она нашла наклоненный «колос» полыни полный маленьких черных семечек и еще погрызла сухую травку от сильной охоты поест. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы:

«Кризис! Настает Зима-холод, кушать нечего. Я умру – умру от холода и голода!»

Но Мышка, не человек. Она свернулась в глубине сена клубочком и уснула: сон это важная часть дня, восстанавливает силы. Немного поспав и согревшись, Пикса проснулась бодрой. Она учуяла, что среди этой кучи сена должны быть колоски, а в них зерна. Пришлось проделать в куче ходы, расталкивая колоски в стороны. И точно, – нашлось много отличного зерна, так что в середине кучи образовалась норка. Всякий раз, найдя колосок, Пикса приносила его в одно и то же место в центр кучи сена. Так она растолкала и головой и спиной колосья, что устроилась довольно большое «помещение», сюда же она принесла и мягкую траву и птичьи перышки, которые нашлись в сторонке на земле. В куче

сена построено было гнездышко, в котором можно было поспать, отдохнуть.

Так у Пиксы появилось новое занятие. Она бегала уже смело по всему краю поля. А надо сказать что «насорили» уборщики урожая пшеницы достаточно, на краю поля тут и там валялись кучки и кучки скошенной пшеницы. Снег, конечно, растаял, потом снова появился, до зимы еще не раз открывалась земля. К тому времени, когда снег плотно лег на землю толстым ровным слоем, покрывая поле – у Пиксы была целая цепь ходов и множество лежанок-гнездышек в разных местах. Зима была снежной. И под слоем снега было тепло, а в кучах соломы находилось для нее много корма. И не только зерна пшеницы служили пищей, но и шишки куста чертополоха, что рос вдалеке под обочиной у края поля, в них были, и семена и попадались червячки, личинки моли. Так и проживала Пикса эту первую свою зиму легко и беззаботно. Она большую часть времени спала и отдыхала в своих многочисленных гнездах, устроенных по всему краю поля и в середине его, куда нередко выбиралась на разведку в поисках пищи.

Основная норка все-таки была в земле, на обочине дороги. Хотя там днем было шумно, и земля даже содрогалась, когда по дороге проезжала большегрузная машина, но это было первое место, в которое она пришла из дома. Тут она вспоминала о мышинной колонии в лесу под дубом. Набегавшуюся за день Пиксу, утомление и теплота, глубокой и вы-

стеленной перышками птиц и мягкой травой норки, клонили в сон.

Сон. —

Она засыпала, и в её воображении бежали мышки по листьям лесного ковра около дуба. Не очень вкусные, но все ели желуди. За Пиксой погнался другой большой мышенок, с умненькой мордочкой и с большими усиками... они бежали вместе к полю, на котором колосилась желтая пшеница с тяжелыми колосьями набитыми большими зернами.... И тут Пикса оказалась около своей норки, на обочине, а большой мышенок стоял напротив её и добродушно они понюхали носы друг друга....

Весна давала себя знать и в поле появились проталины с сырой землей. Открылись и вылезли на солнце и кучи запрелой соломы, все гнезда в них устроенные были мокрые. Вот тогда предприняла Пикса поход в далекий и родной свой лесок.

Дневниковое

Время. Как я начинаю писать. Во-первых, я смотрю на часы и говорю себе, буквально приказывая: – Что ж? Надо идти. И мы шествуем в таком порядке: передо мной лежит тетрадь, в руках моих авторучка, за ними я, а за мной «идет время», скромно поникнув головой, оно шагает как ломовой конь, своим размеренным шагом; или это как на похоронах: впереди на носилках, в гробу, несут «труп», за трупом идет вся процессия – из тетради, ручки и моего сознания, за которым шествует **Время**. Труп – это готовое вылиться на бумагу произведение, мой опус.

Я знаю, (что) о чем буду писать, но не знаю, как буду писать, с чего начну и чем закончу. В голове обычно нет ни одной готовой фразы. Но стоит мне только оглядеть мысленно всё мое сочинение (оно уже сформировано и оформилось в образах) и написать стереотипное: «В таком-то месте и такой-то порой (осенней, весенней, летней)», как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и – пошла писать губерния! Пишу я тогда неудержимо и быстро, страстно, и, кажется, нет никакой силы, которая могла бы прервать течение моих мыслей.

Однако. Чтобы писать хорошо, то есть нескучно и с пользой для читателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт (который набирается годами). Нужно обладать

и самым ясным представлением о своих силах.

А также необходимо иметь представление о тех, кому ты пишешь: я представляю, что рассказываю кругу своих знакомых. Читатель тот, в моем воображении является моим первым противником. Мне надо написать так, чтобы он понял, и чуточку приближенно к его языку, к его речам и его понятиям.

Другой мой противник сидит во мне самом. Это – бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую новую строчку я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала. Выхватывать самое важное и нужное, и быстро, как течет мое сознание, успеть записать. Причем, надо зорко следить, чтобы мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать. И всё это еще только черновик, рукопись.

А уже потом, когда я начинаю перерабатывать черновики, – я стараюсь, чтобы речь моя изложенная, была бы литературна, определения были бы краткие и точные. И фразы, возможно, были бы просты и красивы. Тут уже другая работа по поиску прилагательных, причастий и деепричастий, сравнений и характеристик. Одним словом, работы немало. В одно и то же время мне приходится изображать из себя и ученого, и педагога (для пользы же пишу), и литератора (цитаты же привожу). И плохо дело, когда литератор победит

во мне педагога и ученого или наоборот, одни только ученые слова различные будут.

Никакой спорт, никакие развлечения и игры не могут предоставить мне такого наслаждения, как писательство. И хожу я отвлеченный от окружающего мира, рассеянный и забывающий всё и вся, потому что вынашиваю очередную думку: строю «воздушные замки», прямые речи героев, в мыслях рождаются новые события внутри нового мира. И этот мир, и эти события выльются потом на бумагу.

Но бывает, что «раж» проходит, падает настроение, сознание элементарно чувствует усталость, – и тогда от писательства я испытываю одно мучение. Не проходит и получаса, как я уже чувствую усталость во всем теле. Чтобы победить эту усталость я пью кофе, чай, выхожу курить, сижу и читаю других: классику. Но когда вновь сажусь за работу, едва меня хватает на час. Бывает такой кризис всё чаще и чаще – стареем, и требует от меня всё больше сил. Надо отдыхать, ожидая вдохновения: ждать свою Музу, которая, вероятно, отлетела на время на свой Олимп.

Конец.

Что нужно знать писателю (любому)

Несмотря на то, что приведенные цитаты кажутся банальными школьными, но – век живи, век учишься, и повторение – мать учения. Надо и надо напомнить себе о том школьном, что мы часто забываем. Не забываем совсем, а так: «запамятовали», как говорится. Так вот, еще раз можно и вспомнить. Возьмем цитату из Википедии:

Причастие и Дееприча́стие —

это самостоятельная часть речи или особая форма глагола в русском языке, обозначающая добавочное действие при основном действии. Эта часть речи соединяет в себе признаки глагола (вид, залог) и наречия (неизменяемость, синтаксическая роль обстоятельства). Отвечает на вопросы: *что делая? что сделав?*

Сходные глагольные формы существуют во многих индоевропейских языках – русском, латинском, французском а также в тюркских, финноугорских и других языках. В других языках может называться герундием.

ПРИЧАСТИЕ	ДЕЕПРИЧАСТИЕ	
Вопросы	<p>КАКОЙ?</p> <p>Что делающий? Что сделавший? Что сделанный? Что делаемый?</p>	<p>КАК? КАКИМ ОБРАЗОМ?</p> <p>Что делая? Что сделав? Что сделавши?</p>
Примеры	<p>Развивающийся, запомнивший, написанный, двигаемый</p>	<p>Развивая, запомнив, написавши</p>
Признаки	<p>ГЛАГОЛ+ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ</p>	<p>ГЛАГОЛ+НАРЕЧИЕ</p>
Относится	<p>Относится к имени существительному (местоимению)</p>	<p>Относится к глаголу (сказуемому)</p>

Причастие – это самостоятельная часть речи, которая обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе

свойства прилагательного и глагола (какой? что делающий? что сделавший?).

Деепричастие-самостоятельная часть речи. Которая обозначает добавочное действие, объединяет признаки глагола и наречия. И показывает, каким образом, почему, когда совершается действие, названное глаголом-сказуемым (что делаю? что сделав? как? каким образом? почему? когда? и др.)

Имя прилагательное – самостоятельная часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета и отвечающая на вопросы «какой?», «какая?», «какое?», «какие?», «чей?». В русском языке прилагательные изменяются по родам, падежам и числам, могут иметь краткую форму. В предложении прилагательное чаще всего бывает определением, но может быть и сказуемым.

Это выписки из энциклопедии. А разговор пойдет том, что всё это применяется писателями, часто интуитивно. Писатель особо не задумывается, не заморачивается над правилами, а пишет так, как оно ему приходит на ум. Он дает характеристики своим героям, он дает описания обстановки и только во время правки текста может столкнуться вплотную с теми же прилагательными. И это бывает правильно и это правило для каждого писателя.

Байка – поучительный или юмористический рассказ,

иногда основанный на реальных событиях.

Достоверность байки несколько выше, чем анекдота, но это не исключает прямого вымысла или литературных приёмов, с помощью которых рассказчик «подаёт» *байку*.

Как и анекдоты, *байки* также делятся по тематическим направлениям, охватывающим разные отрасли деятельности человека:

охотничьи *байки*

рыбацкие *байки*

армейские *байки*

студенческие *байки*

исторические *байки*

морские *байки*

байки на околокомпьютерную тематику

В жизни термин «*байка*» часто заменяется, на термин «*история*». Иногда *байка* путём художественного пересказывания превращается в анекдот, и, наоборот, некоторые «бородатые» анекдоты иногда можно встретить в виде *байки*. Иногда под *байкой* понимают вымышленную неправдоподобную историю, сказку (выражение «что ты мне тут *байки* рассказываешь»).

Байка, по сравнению с анекдотом, имеет, как правило, больший объём, но в то же время несёт и несколько большую информационную нагрузку, поскольку в ней не используются приёмы сжатия и упрощения информации, присущие анекдотам и шуткам.

В Сети существует множество ресурсов, на которых публикуются *байки*, и на сегодняшний день байки не менее популярны, чем анекдоты.

Расска́з или **новё́лла** (итал. *novella* – новость) – основной жанр малой повествовательной прозы. Автора рассказов принято именовать новеллистом, а совокупность рассказов – **новеллистикой**.

Рассказ – меньшая по объёму форма художественной прозы, нежели повесть или роман. Не следует путать русскую *novellu* – короткий рассказ, отличающийся стилем изложения, с английским омонимом *novella*, который является синонимом современного понятия *повесть*. Рассказ восходит к фольклорным жанрам устного пересказа в виде сказаний или поучительного иносказания и притчи. По сравнению с более развёрнутыми повествовательными формами в рассказах не много действующих лиц и одна сюжетная линия (реже несколько) при характерном наличии какой-то одной проблемы.

Рассказам одного автора свойственна циклизация. В традиционной модели отношений «писатель-читатель» рассказ, как правило, публикуется в периодическом издании; накопленные за определённый период произведения затем издаются отдельной книгой как сборник рассказов.

Типичная структура классической новеллы: завязка, кульминация, развязка. Экспозиция факультативна. Ещё романтики начала XIX века ценили в новелле неожиданный

«соколиный» поворот (т. н. пуант), который соответствует в поэтике Аристотеля моменту узнавания, или перипетии. В связи с этим Виктор Шкловский отмечал, что описание счастливой взаимной любви не создаёт новеллу, для новеллы необходима любовь с препятствиями: «А любит Б, Б не любит А; когда же Б полюбила А, то А уже не любит Б».

Википедия доступна в инете.

Примерно так выглядит то, что сегодня пишут писатели, с точки зрения энциклопедии.

Пишутся и «рассказы» – так громко названные и пишутся «байки». И всё это не имеет никакого близкого отношения к действительно Художественной литературе. Почему? Вот тут и требуется пояснение.

Описать любое событие, современное автору, человек может и в протокольной манере, что мы часто и видим. Но даже, – если автор расцветит свое «произведение» прилагательными и причастиями и деепричастиями, реального Художественного произведения не получается. А по простой причине: констатация факта – это документ, что тоже важно для истории. Но, изучая кучу документов про войну 1812 года, писатель Лев Толстой создал роман-эпопею, поистине Художественное произведение. В нем нет цифр и исчислений, которые были в документах, в романе много прилагательных и тех же причастий, которые не причастны к документам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.